

«Деспотизм свободы против тирании»

(французская историография конца XX в. о феномене государственного насилия)

— Ты видишь, кум, каким отчизна светам
В наш славный век озарена?

— Да, вижу, кум, но чувствую при этом,
Что свечи держит Сатана.

П.-Ф. де Ларивьер.

На век Просвещения.

Террор — один из наиболее загадочных и спорных эпизодов Французской революции. Долгое время он находился в центре внимания исследователей, но его история нередко искажалась, подчинялась политической конъюнктуре, оказавшись своеобразной ставкой в конфликте «правых» и «левых». Когда начинается террор, есть ли у него официальная дата «смерти», как объяснить его происхождение и механизм функционирования, каков культурный контекст, сделавший возможным его распространение? Историографическая традиция XIX–XX вв. предлагала, как правило, два взаимноисключающих ответа: «теорию обстоятельств» и концепцию «исторического фатализма», где якобинская диктатура, с одной стороны, выступает порождением сложнейшей социально-экономической, политической и военной обстановки в стране, а с другой, — логическим завершением просветительских идей.

Смена приоритетов в науке привела к тому, что уже с начала 70-х годов историки заговорили о «возвращении события» и политической истории в проблематику исследований. В переориентации интересов с анализа социально-экономических структур на изучение массового сознания и поведения за-

метную роль сыграли работы британских и американских авторов, обратившихся к культурно-антропологическим аспектам государственного насилия¹. Ситуация резко изменилась накануне 200-летнего юбилея Французской революции (1989): проблематика сюжета значительно обновилась, сделав его предметом самых различных интерпретаций². Так, прежняя объективно-субъективная дихотомия (теории «обстоятельств» и «фатализма» соответственно) сменилась органическим единством триады: право — политика — эстетика.

* * *

*Отчизна вольная свергает
Ничтожных королей, изменников, лгунов,
Железных рыцарей, наемных хвастунов,
И злого ханжества слепое иступленьё!
Народ французский! Властелин!*

А. Шенье. Игра в мяч.

Правовые основания террора (Л. Боруман, П. Генифе). События Французской революции были погружены в напряженную атмосферу бесконечных «заговоров» (аристократов, короля, неприсягнувших священников, спекулянтов и пр.). Состояние «перманентной» опасности позволяло правительству «заморозить» закон, чтобы в обход Конституции (и для эффективности сопротивления) принять исключительные меры против «недоброжелателей». Смысл указанного направления — отыскать отправную точку, исходный момент альтерации, когда политика оказалась во власти экстраординарных мер (нарушение индивидуальных прав и свобод от имени нации, социума в целом)³.

¹ Davis N.Z. Society and Culture in Early Modern France. Stanford, 1975. Ch. 4, 6; Forrest A. Society and Politics in Revolutionary Bordeaux. Oxford, 1975; Lewis G. The Second Vendee. The Continuity of Counter-Revolution in the Department of the Gard (1789–1815). Oxford, 1978; Lucas C. Beyond the Terror: Essays in French Regional and Social History (1794–1815). Cambridge, 1983; Id. The Structure of the Terror. The Example of Javogues and the Loire. Cambridge, 1973; Lyons M. Revolution in Toulouse. An Essay on Provincial Terrorism. University Press, 1978; Scott W. Terror and Repression in Revolutionary Marseille. University Press, 1973.

² Baker K. The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture. Vol. 4. The Terror. Oxford, 1994. Эта ситуация повлияла и на отечественную историографию. См.: Бовыкин Д.Ю. Революционный террор во Франции XVIII в.: новейшие интерпретации // Вопросы истории. 2002. №6. С. 144–149; Гордон А.В. Иллюзии-реалии якобинизма // Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб., 1995. С. 364–391; Чудинов А.В. Суровое «счастье Спарты» (современники Французской революции о феномене террора) // Человек эпохи Просвещения. М., 1999. С. 173–187; Он же. Утопии века Просвещения. М., 2000; Якобинство в исторических итогах Великой французской революции. Материалы круглого стола // Новая и новейшая история. 1996. №5. С. 73–99.

³ Gueniffey P. La politique de la Terreur. Essai sur la violence révolutionnaire 1789–1794. P., 2000. См. русский перевод: Генифе П. Политика революционного террора (1789–1794). М., 2003.

При таком подходе террор предстает как результат двух дискурсов «спасения Отечества» — философской доктрины общественного договора (Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо), где частный интерес намеренно ограничивается в пользу общего блага и абсолютистской практики «военного положения» (*roi de guerre*), предоставляющей королю полную свободу выбора действий в экстремальных условиях. Государственное насилие, таким образом, не является «заносом» революции, но, напротив, признаком институционального и идейного континуитета со Старым порядком⁴.

* * *

*Сейчас в августейшем собрании ад:
Шумят депутаты и в драку вступают;
Все правые левыми там пребывают,
Но левые правыми быть не хотят.*

А. де Ривароль.

На Национальное собрание.

Политический механизм террора не может быть объяснен ни деспотической вертикалью власти, ни всеобщей мобилизацией республиканских сил, отстоявших родину ценой тяжелых жертв. По мнению современных исследователей (П. Генифе, П. Игонне), это, скорее, сложная игра, своеобразная шахматная доска, где встречаются группы, фракции, влиятельные меньшинства и оппозиции, образующие плавающие альянсы национального и регионального уровней⁵. Однако, несмотря на серьезность ставок (человеческая жизнь), арена государственного насилия воплощает куртуазно-аристократические нравы и образ жизни, населенный «бретерами», сражающимися друг с другом от имени «народного суверенитета». Политическая дуэль совершается на театральной сцене с фальшивыми декорациями, с использованием языка хитрости, пустой риторики, лицемерной добродетели, системы уловок и запугивания, одним словом, в соответствии с циничным макнавеллистским принципом — «цель оправдывает средства»⁶.

Вместе с тем, по мнению П. Серна, террор стал настоящей лабораторией современной

политики, прообразом и истоком подлинной демократии. Речь, впрочем, идет не об участии народа в общественной жизни, а о внутрипартийных законах и правилах, отличных от сложившихся привычных о них представлениях. Единство, требуемое для «безграничной гармонии», «добродетельного братства», никогда не отрицало альтернативных дискурсов (критики, разоблачения, доносительства). В недрах самих комитетов, трибуналов и Конвента, секций и клубов существовали (в качестве сословно-корпоративных «привилегий») многочисленные механизмы плюрализма, выразившиеся, например, в перманентной игре большинства и меньшинства, власти и оппозиции. Террор, как своеобразная точка бифуркации, породил не столько унификацию политического поведения, сколько беспрецедентный спектр различных взглядов и мнений⁷.

Впрочем, осмысление сюжета невозможно без обращения к региональной истории (Ж. Гийому, А. Жерар). В противовес якобинскому централизму существовала запутанная иерархия прежних привилегий, целый лабиринт новых и старых элементов, причудливо переплетавшихся в сложный конфликтный узор. Перенесение столичной схемы на места было, таким образом, невозможно, но всецело зависело от случайного стечения обстоятельств, личных качеств и восприятия эмисаров Конвента («локальных тиранов»). Там, где комиссары вступали в сложную игру обстоятельств и отказывались от субъективной интерпретации государственных законов (Марсель)⁸, кровавый якобинский «занос» и жертвы были минимальными. Если же, как в Вандее⁹, самозванные деспоты добивались власти в ходе борьбы соперничающих кланов (часто без традиционных «корней») и потому особо жадных до эфемерных полномочий), происходила крайняя экзальтация и репрессии принимали угрожающий характер прямого истребления. В результате существовал не один, а множество терроров, зачастую сохраняющих лишь отдаленную связь с высокими революционными целями.

⁴ *Boroumand L. La guerre des principes. Les assemblées révolutionnaires face aux droits de l'homme et à la souveraineté de la nation. P., 1999.*

⁵ *Генифе П. Ук. соч. С. 69–202.*

⁶ *Higonnet P. Goodness beyond Virtue. Jacobins during the French Revolution. Cambridge, 1998.*

⁷ *Serna P. Antonelle, aristocrate révolutionnaire (1747–1817). P., 1997.*

⁸ *Guilhaumou J. Marseille républicaine (1791–1794). P., 1992.*

⁹ *Gérard A. Par principe d'humanité: la Terreur et la Vendée. P., 1999.*

* * *

*И солнца и миры, путь соблюдая верный,
Простерты пред тобой,*

твои лишь чудеса

*Поют на все лады, гармонией безмерной
Преисполняя небеса.*

М.-Ж. Шенье.

Гимн Верховному существу.

Террор как элемент эстетического мироощущения оформляется в краткое междуархивное, грани которого — Просвещение и романтизм. Он вписан в литературную (готический роман, вкус к мистике и средневековым ужасам), театральную (классицистская драма), изобразительную (школа Ж.-Л. Давида) культуру эпохи¹⁰. Действительно, революционеры строили свой дискурс на подлинном порыве эмоций, их социальный проект звал к рождению «нового человека», свободного от традиционного антагонизма между рассудком и страстями¹¹. Террор здесь выступает политической аффектов: добродетель, счастье, любовь к родине, мщение и пр. привносились в атмосферу обыденной жизни с пышными общественными церемониями 1793–1794 гг. («гражданская педагогика»)¹². Главной целью историков, следовательно, является воссоздание того симбиоза трагического и политического, из которого рождается категория Возвышенного (С. Ваниш, А. де Бек). Эстетика насилия направлена на ощущение внутреннего потрясения, однако ее воздействие все же амбивалентно: парализация противников / мобилизация сторонников¹³.

* * *

Новая интерпретативная триада (право — политика — эстетика), изучающая соответственно причины, механизм и контекст террора, не лишена спорных моментов и «белых пятен». Однако она имеет заметную эвристическую ценность, позволяя уйти от прежних идеологизированных оценок и предвзятых

суждений. Тот этап развития, который переживает сейчас историография сюжета, можно, вероятно, назвать экстенсивным: она «осваивает» новые страны, новые темы исследования. Тон в изучении рассматриваемых проблем задают историки неоконсервативного направления, стремящиеся к тотальному «развенчанию» революции, воспринимаемой в основном сквозь призму крайностей, жестокости, террора. Однако в большинстве случаев позиция исследователей выражает не столько реальные события, сколько их негативный психологический настрой. Литературная яркость образов, за единичными исключениями, не выдерживает научной критики и подчас вызывает весомые возражения.

*Утопленников, трюм набивших,
тыцась теченьем*

*Луары тысячами сбывать, —
Служа проконсулу Карьеру разлеченьем
В часы похмелья, может быть.
И перьями строчат, как клерки
фирмы трупной,*

*Вся свора наглая писак,
Весь этот трибунал, Фукье, Дюма —
преступный*

*Воров, убийц ареопаг. <... >
Хотя бы совесть им за все дела воздала,
Но не смутит она уют
Полночных палачей, что в казнях
до отвала*

*Кровь человеческую пьют.
О банда грязная! Кто б мог
в стихах искусных
Воспеть деянья их и дни?*

*Копье, разящее чудовищ этих гнусных,
Нечисто так же, как они.*

А. Шенье

*Е.М. Мягкова
(Тамбовский госуниверситет
им. Г.Р. Державина)*

¹⁰ Crow T. L'Atelier de David. Emulation et Révolution. P., 1997; Lajer-Burchard E. Necklines. The Art of Jacques-Louis David after the Terror. New Haven, 1999; Peyrache-Leborgne D. La poétique du sublime des Lumières au romantisme: Diderot, Shiller, Wordsworth, Shelly, Hugo, Michelet. P., 1997.

¹¹ Baecque A. de. Le corps de l'histoire: métaphores et politique (1770–1800). P., 1993; Hunt L. Politics, Culture and Class in the French Revolution. Berkeley, 1984; Ozouf M. L'homme régénéré. Essai sur la Révolution française. P., 1989.

¹² Озуф М. Революционный праздник 1789–1799. М., 2003; Вацко В. Une éducation pour la démocratie: textes et projets de l'époque révolutionnaire. P., 1982 (см. рус. перевод одной из его работ: Бачко В. Как выйти из террора? Термидор и революция. М., 2006).

¹³ Baecque A. de. La gloire et l'effroi. Sept morts sous la Terreur. P., 1997; Wahnich S. L'impossible citoyen. L'étranger dans le discours de la Révolution française. P., 1997.